

История философии

76. Логический позитивизм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сциентизм, характерный для таких мыслителей, как Кант и Милль, стремившийся к универсализации использования научного метода, гипотетического дедуктивного метода, своего рода универсального расширения научного способа объяснения, был вновь подхвачен Бертраном Расселом и развит с гораздо большей техничностью в его логическом атомизме, который, как вы, возможно, заметили, также, по-видимому, предполагал атомистическую метафизику. Мы увидим, как это будет играть роль в сегодняшнем обсуждении. А затем он был вновь подхвачен Витгенштейном в его «Логико-философском трактате» в очень схожем ключе.

Логический позитивизм продолжает позитивистскую направленность XIX века. В XIX веке этот термин был введен Кантом для обозначения его третьей позитивной стадии, где мы имеем дело с объективными эмпирическими данными научного характера и стремимся сформулировать эмпирические обобщения, обладающие объяснительной силой. Таким образом, продолжая позитивистский акцент на объективных эмпирических данных, продолжая тему позитивистского единства науки, добавляется еще и логическое прилагательное — логический позитивизм, чтобы подчеркнуть влияние акцента Рассела на логическом использовании, логической форме языка.

Таким образом, логический позитивизм XX века уходит корнями в труды таких мыслителей, как Кант, Милль и Марк. Существовал, так сказать, более подходящий вариант, Венский кружок логических позитивистов, который сформировался в 1910-х и 1920-х годах и повлиял на континентальное развитие этого движения. Английское развитие стало своего рода ответвлением от Венского кружка, но затем было популяризировано А. Дж. Айером в его книге «Язык, истина и логика».

В Венском кружке состояли такие люди, как Мориц Шлик и Рудольф Карнап. Эти имена упоминаются в литературе, и именно в этом заключается основное значение Венского кружка, к которому, кстати, принадлежал Витгенштейн после того, как бросил Оксфорд и вернулся в Австрию. Но значение Венского кружка заключается в том, что он первым развил движение от довольно наивного эмпиризма к движению, признающему, что, если мы различаем чувственное восприятие, данные и материальные объекты, мы склоняемся к феноменологической эпистемологии.

И это признавало, что мы не всегда можем получить прямую эмпирическую проверку кажущегося эмпирическим утверждения; иногда она должна быть

косвенной, через логические следствия этого утверждения в сочетании с другими утверждениями. Но Венский кружок заложил фундамент. И в Венском кружке, и у Эй-Джей Айера — основу, решающую основу, то, что придавало ему особое значение, и крах которого привел к краху логического позитивизма.

Отличие заключалось в её теории проверяемости значения. Позвольте мне подчеркнуть, что это не теория того, как устанавливается истина; это не теория истины, хотя и используется слово «проверяемость». Она связана со значением языка ; это теория о языке.

И вы можете довольно просто понять суть теории, если посмотрите на эту диаграмму, где язык, по сути, имеет два основных назначения: когнитивное и некогнитивное. Существуют всевозможные некогнитивные высказывания, эмоциональные восклицания, вопросы, крики и выразительные утверждения. С другой стороны, когнитивные утверждения, да, когнитивные утверждения, представляют собой утверждения двух типов: синтетические и аналитические, что звучит как возвращение к идеям Дэвида Юма.

Синтетические утверждения являются фактическими, то есть содержат факты, которые, как можно ожидать, поддаются эмпирической проверке. А аналитические утверждения, в которых предикат логически содержится в субъекте, имеют просто формальное значение, в том смысле, что они просто говорят о логическом использовании субъекта и предиката. К последнему типу относятся определения, тавтологии, и, в зависимости от логического позитивиста, вероятно, математические утверждения.

Но по сути, любое утверждение, имеющее логическую форму законов мышления, где A равно A , A не является не- A , включает в себя определение и тавтологию. И если утверждается, что математические утверждения являются аналитическими, а не эмпирическими, как считал Милль, то они также включаются. Теория проверяемости — это теория о значении фактических утверждений.

Именно на этом и сосредоточено внимание. Теория изложена, например, Штумпфом, когда он говорит, что смысл фактического утверждения — это метод его проверки. Смысл — это метод его проверки.

Возможно, это не очень информативно, за исключением того, что подчеркивает важность эмпирических процедур, процедур эмпирической проверки. В частности, смысл эмпирического утверждения заключается в его ссылке, в его значении, в его ссылке на эмпирические данные, независимо от того, являются ли эти данные фактически доступными или возможными. Таким образом, метод проверки важен, потому что необходимо знать, как ссылаться на данные,

чтобы иметь возможность сказать, к каким именно данным относится утверждение.

Таким образом, метод проверки имеет важное значение для определения значимости фактического утверждения. Теперь начинают проявляться различия, выходящие за рамки этого. Так, если вы прочитаете предисловие ко второму изданию, мое будет более потрепанным, чем ваше, но если вы прочитаете предисловие ко второму изданию, вы обнаружите, что Айер различает прямую и косвенную проверку.

Таким образом, утверждение «Я вижу дом» можно проверить напрямую. А поскольку его можно проверить напрямую, оно имеет фактическое значение. Неважно, истинно оно или ложно.

Его смысл таков, что при желании вы могли бы это сделать, но это оставлено для учёных ; вы могли бы установить истинность или ложность, если бы знали метод проверки. Философа же интересует лишь то, является ли это утверждение фактически значимым. А для этого достаточно знать лишь то, что существует возможный метод проверки.

С другой стороны, косвенная верификация требует наличия других предпосылок, которые подразумевают непосредственно проверяемые утверждения, не выводимые из одного лишь данного утверждения. Возьмем, к примеру, утверждение типа: «Этот ключ сделан из железа. Этот ключ сделан из железа».

Теперь, когда я вижу ключ, это можно проверить напрямую. Но для подтверждения того, что этот ключ сделан из железа, потребуются методы определения типа металла. Таким образом, в сочетании с такими дополнительными предпосылками, можно сделать некоторые выводы , которые косвенно подтвердят, что этот ключ сделан из железа.

Итак, прямая или косвенная проверка. И Карнап много говорил о важности косвенной проверки в науке. Это одно из отличий.

В первой главе Айер также проводит различие между «на практике». На практике можно проверить, что я вижу перед собой комнату, полную лиц. Но проверить, что грибы растут на другой стороне Луны, можно лишь в принципе.

Или, например, что Клеопатра надела красное платье в свой 21-й день рождения. Иными словами, если бы мы могли отправиться на другую сторону Луны, мы бы знали, какие методы наблюдения использовать. А если бы мы могли вернуться на машине времени во времена Клеопатры и проверить, что с

ней случилось в её 21-й день рождения, то смогли бы подтвердить, что она действительно надела красное платье в свой 21-й день рождения.

Таким образом, это утверждение в принципе поддается проверке. Как видите, принцип проверяемости позволяет допускать исторические утверждения, утверждения о будущем, утверждения о том, что технологически невозможно, на практике невозможно, но в принципе возможно. Он запрещает утверждения, которые совершенно не поддаются эмпирической проверке.

А именно, метафизические утверждения о реальности как таковой, которые Она отличается от всех явлений. И я говорю « реальность сама по себе», потому что, когда вы читаете первую главу Айера об устранении метафизики, вы начинаете понимать, что он устраняет именно метафизику типа Ф. Х. Брэдли, где Брэдли, гегелевец, различал реальность и её различные степени проявления. Сама по себе реальность эмпирически недоступна.

Разговоры об этом не поддаются эмпирической проверке . Это метафизическое утверждение было бы исключено. Но различные проявления, конечно же, поддаются эмпирической проверке.

Таким образом, нет проблем в разговоре о явлениях. Но исключается метафизика, которая проводит различие между вещью в себе и вещью, вытекающей из неё. Между лежащей в основе реальностью и миром явлений.

Теперь рассмотрим третье различие, которое он проводит в первой главе, на странице 37. Различие между сильной и слабой проверкой. Сильная и слабая проверка.

Тщательная проверка дала бы неопровержимые результаты. Она обеспечила бы вам уверенность. Именно этого и хотели бы сторонники фундаментализма.

Слабая верификация удовлетворяется с помощью вероятности. Айер же вполне доволен тем, что определяет принцип верифицируемости, допускающий косвенную верификацию, верификацию в принципе, а не обязательно на практике, и слабую, а не сильную верификацию. Имейте это в виду.

Это довольно важно . Теперь позвольте мне прокомментировать реакцию на этот принцип проверяемости. Потому что в течение пары десятилетий его пришлось переформулировать под критикой.

Действительно, некоторые из этих различий, которые вводит Айер, были введены в ответ на критику. Критику слишком узкого эмпирического критерия. И в конечном итоге именно критика этого принципа проверяемости привела к краху логического позитивизма.

Одно из первых критических замечаний заключалось в том, что эмпирические обобщения не поддаются проверке даже в принципе. Эмпирические обобщения не поддаются проверке даже в принципе. Иными словами, для любого обобщения всегда существует больше возможных случаев, которые недоступны.

Таким образом, любое утверждение обо всех членах обширного класса, согласно принципу проверяемости, было бы лишено фактического смысла. И в ответ на это было заявлено, что нам нужен принцип фальсифицируемости. То есть, эмпирическое обобщение всегда фальсифицируемо в принципе.

Если вы найдете хотя бы один негативный пример, вы опровергнете обобщение. Все критяне — лжецы. А теперь найдите коренного жителя Крита, который не лжец.

И вы опровергли общее утверждение. Это означает, что вы просто хотите, чтобы утверждение, якобы фактическое, поддавалось либо проверке, либо фальсификации. Проверимость или фальсифицируемость, что-то подобное, чтобы оно имело эмпирическую привязку.

Можно спросить: почему бы не настаивать просто на фальсифицируемости? Дело в том, что эмпирическое обобщение, хотя и не поддается проверке, фальсифицируемо; отдельное утверждение о конкретном случае проверяемо, но не всегда фальсифицируемо. Например, существует такой-то человек. Это утверждение не всегда фальсифицируемо.

Откуда вы знаете, что не существует человека, подобного этому, который скрывается каждый раз, когда вы пытаетесь его найти? Поэтому вам необходимы как проверяемость, так и фальсифицируемость. Вторая линия критики касалась статуса самого критерия проверяемости. Позитивист утверждает, что все утверждения либо синтетические, либо аналитические, либо фактические, либо формальные.

Какова формулировка принципа проверяемости? Является ли принцип проверяемости фактическим утверждением? Именно в этом и заключается смысл значения. Или это формальное утверждение? Аналитическое? Что ж, становится совершенно очевидно, что теория проверяемости не является эмпирическим утверждением, поддающимся проверке или опровержению с помощью эмпирических процедур. В 50-х годах в аспирантуре у меня был профессор, который, чтобы проиллюстрировать эту мысль, сказал, что люди на протяжении всей истории подразумевали под смыслом нечто иное.

Иными словами, если бы это было эмпирическое описание фактического значения, то есть единственное фактическое значение относилось бы к эмпирическим объектам, к эмпирическим данным, то людям было бы невозможно находить смысл в вещах, относящихся к другим типам сущностей. Что, конечно же, они и делают. Платон находил очень важным говорить о реальных формах.

Богословы считают очень важным говорить о Боге. И ни то, ни другое не поддается эмпирической проверке. Поэтому это явно либо фактически ложное утверждение, либо не фактическое.

Теперь Эйер понял суть. И он отказывается от утверждения, что это утверждение является фактическим замечанием о значении фактических утверждений. Вместо этого он утверждает, что это методологическое условие.

Иными словами, это правило, которое позитивист принимает в методологических целях. Что ж, если это так, и вы не хотите его принимать, то и не обязаны. И, следовательно, принцип проверяемости теряет свою силу в философском дискурсе.

Видите? Если вы хотите быть эмпиристом, если вы хотите быть позитивистом, то это хороший принцип, которым следует руководствоваться. Но если вы не хотите быть позитивистом, то, очевидно, вам нет необходимости его принимать. И вся буря начала утихать.

Видите? Это вряд ли определение. Это скорее произвольный принцип. То, что он якобы является общим для эмпирических наук, не означает, что он применим ко всем фактическим утверждениям.

Но это привело к третьему направлению критики. Дело в том, что принцип проверяемости был разработан исходя из предположения, что он является действующим принципом в эмпирических науках. Однако в философии науки начали появляться разработки, которые ясно показали, что науки не являются чисто эмпирическими.

Таким образом, этот принцип даже не применим к эмпирическим наукам. Теперь вы можете предвидеть, какими были эти события. Это были события, которые начали признавать субъективность в естественных науках.

априорных сеток Канта. Коперниканская революция в естественных науках. Развитие науки, в котором начало отвергаться чрезмерное упрощение гипотетического дедуктивного метода.

И позвольте мне упомянуть три или четыре из них. Одна из них — работа человека по имени Норвуд Хансон. Его книга называется «Образцы открытий».

Хансон преподавал в Йельском университете историю и философию науки. Его исторические исследования привели его к выводу, что все наблюдения основаны на теории. И для этого не обязательно обладать глубоким пониманием научного метода. чтобы это увидеть.

Ученый не просто стоит и рассматривает все возможные данные. Он выдвигает рабочую гипотезу. Таким образом, релевантность имеющихся данных определяется именно этой рабочей гипотезой.

Что, в свою очередь, подтверждается теорией. Другими словами, существуют предшествующие концептуальные факторы, определяющие, какие данные следует учитывать. Наблюдения, основанные на теории.

Второй пример вам, вероятно, более знаком. Томас Кун. Его работы о структуре научных революций.

Опубликовано в 1950-х годах. В этой работе, опираясь на свой опыт в области истории науки, он начал осознавать, что теория является частью гораздо более широкой концептуальной парадигмы. И что научные революции происходят тогда, когда происходят сдвиги парадигмы.

Происходит переход от птолемеевской космологии к коперниканской. Смена парадигмы. Его мысль заключается в том, что в рамках одной парадигмы могут наблюдаться периоды постепенного, кумулятивного роста научных знаний.

И, учитывая существующие парадигмы, может показаться, что некоторые теории, работающие на практике, поддаются эмпирической проверке. Хотя они и предлагаются данной парадигмой. Но при смене парадигмы вступает в действие другая система объяснения.

И смена парадигмы происходит не благодаря величю эмпирических данных. Она происходит потому, что внутри научного сообщества, часто по неэмпирическим причинам, возникает неудовлетворенность существующей парадигмой. Возможно, ей не хватает объяснительной силы.

Возможно, оно будет лишено связности. Оно может оказаться излишне сложным, и мы выберем более простой вариант. И так далее.

Таким образом, Томас Кун отвергает влияние чисто объективного эмпиризма на науку. Третий пример — Михаил Полани, польский философ науки, преподававший в Великобритании.

Майкл Поланьи развил свою работу в двух крупных книгах. Одна называется «Неявное измерение», а другая — «Личное знание».

В обоих случаях названия в некоторой степени показательны. Книга «Неявное измерение» ясно показывает, что существует множество неявных аспектов человеческого знания, которые не объясняются эмпирическими исследованиями. В повседневном восприятии мы используем периферийное зрение.

Об этом обычно и не задумываешься. Пока кто-нибудь не скажет что-нибудь, что напомнит тебе об этом. И вот, когда я смотрю сюда, краем глаза замечаю, что Дэвид всё ещё здесь.

При этом всегда присутствует своего рода периферийное восприятие. Не только визуальное, но и ментальное. Часть более широкого контекста наблюдаемого нами гештальта.

Таким образом, целенаправленное объективное эмпирическое исследование рассказывает лишь часть истории. В своей работе о личностном знании он говорит о личностном измерении знания. Это влияет на мотивацию, выбор темы исследования, избирательность и т. д.

Если вы хотите сами убедиться в том, что наука всегда является чисто объективной и безличной, спросите учёного, почему он занимается наукой. Я однажды так сделал с другом-химиком. И почему именно химия? И почему именно такие научные интересы у вас в этой области? И всё это время в ответ на вопрос вы будете получать либо эстетические, либо другие оценочные суждения.

Иными словами, постоянно присутствует личностный аспект. Именно поэтому прогресс в науке непредсказуем. Потому что мы никогда не знаем, каким может быть этот личностный аспект, или, если уж на то пошло, социально-экономический аспект, который движет теми или иными научными исследованиями.

Поэтому не забывайте о Полани. А совсем недавно появился Фейерабенд, который придерживается конвенционалистской интерпретации науки. Иными словами, научные теории — это просто традиционные способы, которыми ученые говорят о вещах.

Конвенционализм, который является полностью релятивистским. Наука не рассказывает нам о реальности. Это антиреализм в науке.

Теперь, с учетом тех изменений, которые начались в 40-х годах и продолжались в 60-х, мы начинаем видеть отказ от точки зрения, согласно которой все научные объяснения являются чисто объективными, эмпирическими объяснениями в терминах общих законов, эмпирических обобщений. Что научное знание всегда эмпирически подтверждается или, по крайней мере, в принципе проверяемо. Это, похоже, просто не соответствует действительности.

Таким образом, вся тезисная основа сциентизма начинает рушиться. Это постмодернизм в философии науки. Теперь рассмотрим четвертое возражение, о котором вы читаете у Штумпфа.

Когда он вас познакомит, вы, возможно, уже читали, надеюсь, читали, о В. В. Куайне, философе из Гарварда, чье знаменитое эссе о двух догматах эмпиризма стало важной вехой в закате логического позитивизма. Два догмата эмпиризма. Один из догматов — редукционизм.

Редукционизм. Попытка свести все знания к эмпирическому обобщению. Принцип проверяемости в этом смысле является редукционистским.

Это попытка свести все фактические утверждения к эмпирически проверяемым утверждениям. Редукционизм. И он отвергает это, потому что считает, что наблюдения предвзяты и основаны на теории, а не являются чисто объективными и нейтральными по отношению к теории.

Вторая догма эмпиризма — это то, что он называет аналитико-синтетической дихотомией. И, очевидно, принцип проверяемости основывается на том, что одни утверждения являются синтетическими, другие — аналитическими, и они никогда не пересекаются. Это отдельные категории.

Дихотомия. Два разных, логически, типа утверждений. И Куайн доказывает, что эта дихотомия несостоятельна.

Это вопрос степени, зависящий от контекста. Так, например, если взять утверждение «Бог добр», и это не его пример, то на первый взгляд это может показаться утверждением о факте, которое позитивисты хотели бы иметь эмпирически достижимым. Но поскольку это не так, Айер исключил бы его.

Это не совсем утверждение, основанное на фактах. Но в контексте иудео-христианского дискурса, подразумевается ли оно как эмпирическое утверждение фактического характера? Не является ли это скорее аналитическим утверждением с богословской точки зрения? Само значение термина «Бог», не только в иудео-христианской традиции, но и в платоновской, заключается в том, что Бог есть благо. Поэтому утверждение о том, что Бог благ, в этом контексте является аналитическим утверждением.

Итак, что же это? В разных контекстах это может функционировать по-разному. Если вы имеете дело с убежденным эмпиристом, который считает, что слово «Бог» лишено какого-либо подобного значения, это может выглядеть как нейтральное, фактическое утверждение. Но если слово «Бог» вообще имеет какое-либо значение в какой-либо крупной религии, то это значение связано с Богом как с благом.

Таким образом, Куайн распознает подобные вещи в самых разных случаях и отвергает дихотомию. Скорее, он рассматривает человеческое знание не как совокупность отдельных утверждений, которые мы связываем в рамках дедуктивной системы в стиле Бертрانا Рассела. Совсем не так.

Знание не следует моделировать на основе дедуктивной системы. Знание, скорее, представляет собой сеть убеждений. Разница, конечно, в том, что дедуктивная система движется с точностью, сравнимой с военной, от одного утверждения к другому, и так далее до самого низа.

Логическое выведение. В то время как сеть убеждений представляет собой сеть взаимоподдерживающих утверждений, сплетенных различными способами, которые строго не поддаются формулировке в дедуктивных системах, это сеть взаимосвязанных гипотез, которую мы конструируем.

Иными словами, имеющийся у нас объем знаний характеризуется согласованностью. Согласованность в том смысле, что он един, взаимосвязан. Согласованность в том смысле, что он самосогласован и внутренне самодостаточен.

Но это фаллибилистская точка зрения, поскольку из-за парадигматической природы мышления мы можем работать с несколько ошибочной парадигмой. Поэтому общая картина взаимосвязей может несколько отличаться от того, что мы себе представляем. И в дополнение к фаллибилизму и когерентности, которые дают некоторое обоснование, он предлагает прагматическое обоснование сети убеждений.

Такой образ мышления работает. И здесь, я думаю, его прагматическое обоснование исходит из науки. То есть, модель научных гипотез принимается и рассматривается как, вероятно, верная, потому что она плодотворна, позволяет выдвигать дальнейшие гипотезы, создавать исследовательские программы и проводить исследования.

Это открывает путь к дальнейшим открытиям. Таким образом, в этом есть прагматическая ценность. Однако, если отвергнуть аналитико-синтетическую

дихотомию, становится совершенно очевидно, что вся позитивистская схема начинает рушиться.

Теперь, последнее замечание, которое я хотел бы отметить, исходило от самого Витгенштейна. Витгенштейн, который в своей ранней работе, «Логико-философском трактате», по сути, был логическим атомистом типа Рассела и, по-видимому, сторонником проверяемости, в 1945 году опубликовал свою вторую крупную работу, «Философские исследования».

Поэтому, когда мы говорим о позднем Витгенштейне, мы имеем в виду именно это произведение — «Философские исследования». Он различными способами критикует позитивизм своих более ранних работ.

Во-первых, теория смысла, которую он называл «теорией изображения», то есть теорией проверяемости, лишена какого-либо ясного смысла. Звучит так, будто теория проверяемости не имеет смысла. Это та же самая критика.

Он это признает. Однако он добавляет к этому жалобу на то, что настаивание на идеальном логическом языке — помните, мы различаем философию идеального языка и философию обыденного языка, — настаивание на идеальном логическом языке того типа, который хотел Рассел, где атомарные утверждения ссылаются на атомарные факты, слишком искусственно. Слишком искусственно.

Это искусственно, потому что язык просто не вписывается в эту узкую редукционистскую модель. Видите ли, я повторяю ту же критику, что и Куайн. Язык не вписывается в эту более узкую модель.

Напротив, если мы посмотрим на обыденное использование языка, на то, как язык используется обычными людьми, даже учеными, когда они не говорят на научном языке, используя научный жаргон, мы обнаружим, что оно гораздо разнообразнее. Гораздо разнообразнее, чем просто когнитивное или некогнитивное. Если когнитивное, то либо фактическое, либо формальное.

Гораздо разнообразнее, чем кажется. В конце концов, обыденное использование языка развивалось на протяжении веков методом проб и ошибок, оно доказало свою эффективность. Поэтому он говорит, а не предлагает множество языковых игр и способов использования языка.

Как я уже проиллюстрировал сейчас тезис Куайна фразой «Бог благ», которую, по-видимому, можно рассматривать как синтетическое или аналитическое утверждение. Таким образом, вы можете заметить, что утверждение «Бог благ» действительно используется в определенном пастырском контексте. То есть, пастором, пытающимся утешить скорбящую вдову.

Утверждение, использованное в данном контексте, выполняет функцию, отличную от простого изложения фактов, объективных и научных данных. Или, с другой стороны, не является определением или тавтологией. Язык предназначен для выполнения, как я хотел сказать, социальной, пасторальной функции.

Вы увидите. Разнообразие языковых игр. Потому что существует разнообразие форм жизни.

Иными словами, игры, в которые мы играем в своей жизни. Что мы делаем в жизни? И тогда нам нужен функциональный анализ, а не логический. Анализ не логики языка, навязывающей нам узкие позитивистские рамки, а анализ реальных функций, которые язык выполняет в обыденном дискурсе.

Можно сказать, что Витгенштейн словно превратился из математика и учёного в любителя гуманитарных наук. Словно он читал какую-то литературу, пока был в отъезде. Вот увидите.

Разнообразие языковых игр. Именно это расширение горизонтов, включающее другие способы использования языка, помимо просто эмпирического или аналитического, наконец, кажется, переполнило чашу терпения в английской философии. Так что к середине 50-х годов, я думаю, справедливо будет сказать, что философия обыденного языка стала доминирующим направлением в британских университетах.

Теологический позитивизм существовал за 15 лет до этого. Что же произошло за это время? Ну, эти философские реакции. Но, кроме того, Вторая мировая война.

И я думаю, не лишено смысла то, что западная цивилизация не смогла пережить травму Второй мировой войны, не обнаружив, насколько поверхностен, с точки зрения смысла, позитивистский анализ языка. Вы увидите. И, как следствие, расширились ожидания.

Теперь, одно из дальнейших влияний на этот сдвиг проявится, когда вы будете читать Эй-Джей Эйера. У меня здесь пара страниц из его автобиографии, в которой он указывает на это дальнейшее влияние. Теперь позвольте мне прочитать пару абзацев оттуда.

Кстати, несколько лет назад меня очень заинтересовала его автобиография, потому что выяснилось, что во время Второй мировой войны он служил в британской контрразведке. Сначала в оккупированной немцами Франции, а затем участвовал в расшифровке немецких кодов на ранней компьютерной

аналитической базе на Бермудских островах. Меня особенно поразило то, что я сам в это же время находился на Бермудах в качестве радиотехника BBC.

Однажды нас отправили с аэродрома Кинли в гавань Гамильтона, на остров, чтобы обслуживать какое-то оборудование. Нам сказали, что мы можем разместить свой штаб в отеле на берегу, который заняли военные, и питаться там, что мы и сделали. И, как ни странно, там было много гражданских лиц, которых мы приняли за обычных гражданских, которых военные забрали для работы над этим секретным проектом по обслуживанию оборудования.

Насколько мне известно, Эй Джей Эйр был одним из них, потому что именно в то время он там и находился. Я тоже. Поэтому мне было очень интересно прочитать его автобиографию, потому что мы проплывали мимо, как корабли в ночи или как лодки в гавани Гамильтона. Вот что он говорит о том, как писалась книга.

Я сразу же приступил к написанию книги и закончил её за 18 месяцев, работая над ней почти непрерывно, за исключением перерывов на преподавание. Я просто не могу себе этого представить. Все свои предыдущие книги я писал от руки, а эту неуклюже печатал двумя пальцами.

Это придает мне смелости. Но в итоге получился вполне приличный сценарий. За исключением того, что первая глава была адаптирована из статьи в журнале Mind.

Я не делала предварительных черновиков, а писала медленно, чтобы избежать необходимости в исправлениях. Я была довольна и воодушевлена этими людьми; я была довольна, если за день работы получалась одна страница на 300 слов. Хорошо.

И я считаю, что если за восьмичасовой рабочий день я могу написать десять страниц, то у меня всё хорошо. Он взял одну страницу, 300 слов. Если бы я мог делать это каждый день, я бы закончил книгу чуть больше чем за полгода, а не за полтора года.

Поскольку текст состоял всего из 60 000 слов, некоторые из вас, когда я его писал, задавались вопросом о его объеме. Столько слов за такую небольшую цену. Если бы я мог писать так каждый день, но меня часто останавливало не столько то, что я не знал, что хочу сказать (хотя иногда такое случалось), сколько то, что я не мог решить, насколько эффективно это сказать.

Я писал с увлечением, но при этом прилагал огромные усилия, чтобы донести свою мысль до читателя. И этот труд не пропал даром. Каковы его недостатки? Книга не затерялась в неизвестности.

Скорее, его можно обвинить в том, что он пожертвовал глубиной ради ясности. За исключением нескольких деталей, выраженные в нем мысли не были оригинальными. Теперь же они представляли собой смесь позитивизма Венского кружка, который я также приписывал Витгенштейну.

Плюс редуктивный эмпиризм, который я позаимствовал у Юма и Рассела. Ладно, тут ничего удивительного. И, представьте себе, аналитический подход Джорджа Мура и его последователей.

Что вы помните о Дж. Э. Муре? Он был реалистом, а не феноменалистом. Что ж, это никак не повлияло на Айера. Он остается феноменалистом.

Но его интересовал скорее концептуальный анализ, чем строго логический. Да, и вам будет трудно найти в книге Айера тот логический атомизм, который мы обнаружили у Рассела и Витгенштейна. Это неудачный вид анализа.

Но к этому следует добавить, что Мур, будучи концептуальным аналитиком, всё же является эмпиристом, постоянно проводящим различия между аналитическими и синтетическими утверждениями, как если бы эти две категории были исчерпывающими. Вспомните его аргумент в опровержении идеализма относительно утверждения «быть — значит быть воспринятым». Таким образом, влияние Мура, по крайней мере, гуманизирует язык и подход.

А также те, в которых присутствует щепотка прагматизма от К. И. Льюиса. К. И. Льюис, американский прагматист 30-х и 40-х годов. Прагматизм.

Да, с прагматической точки зрения, для того, чтобы это имело значение, достаточно лишь феноменолога. Вы услышите от него подобные высказывания. Ну, продолжает он, я начал с краткого анализа и применения метафизики, используя принцип верификации в качестве аксиомы.

Таким образом, утверждается, что если философия и должна внести какой-либо самостоятельный вклад в знание, то он может заключаться только в практике анализа. Единственная функция философии — анализ. Анализ значения языка с целью прояснения загадок и недоразумений в традиционной философии, особенно в метафизике.

Итак, по его собственным словам, он выбрал именно это направление. Ну, есть вопросы или комментарии? В следующий раз мы поговорим об искусственном интеллекте. Что ж, вы выстояли, и мой голос тоже.

Ладно, пожалуй, на сегодня хватит.